

«ПОЛОНИЗАЦИЯ» И «СОВЕТИЗАЦИЯ» ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ АССИМИЛЯЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Н.А. Маркелов

Посольство России в Польше

Актуальность представленной статьи обусловлена множественностью современных этнических конфликтов в различных регионах мира. С привлечением российских, белорусских и польских научных исследований, а также исторических источников автор анализирует возникновение и развитие межэтнического конфликта вдоль польско-белорусской границы в первой половине XX в. Характеризуется влияние ассимиляционной политики польских властей в 1920–1930-х гг. на отношения между белорусами и поляками. Подчёркивается значимость для польско-белорусских отношений исторического мифа польской идентичности, стремления к воссозданию Речи Посполитой с поглощением белорусских, литовских и украинских земель.

Отношения между польским и белорусским населением в период после вызванного Второй мировой войной коллапса польского государства в 1939–1941 гг. обострились, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере вылились в откровенное противостояние. Эта ситуация была вызвана тем, что для подавляющей части польского населения национальная державность представляла, при всех недостатках её реализации во II Речи Посполитой, значимую ценность. В польское сознание не укладывалось нежелание представителей национальных меньшинств отстаивать прежнюю власть. Советская власть выполняла роль своеобразного буфера, принимая на себя ответственность за негативные проявления новой национальной политики и процессов слома старого государственного устройства. Процессы, происходившие на польско-белорусском пограничье, усугублялись продолжавшимся формированием белорусской идентичности, осознанием белорусами ценности собственного языка и собственной культуры, а также существенным отличием как от польской, так и от русской традиции при всей исторически обусловленной структурной близости к первой и многовековой общностью со второй. Другим фактором, определявшим этническую ситуацию в регионе, стало исчезновение прежнего гегемона – Российской империи, чьё существование обеспечивало определённую стабильность национального вопро-

УДК 327.35, 327.58

Поступила в редакцию 10.10.2017 г.

Принята к публикации 30.11.2017 г.

са. СССР, воспринимавшийся частью населения региона как прямой наследник традиций царской России, таким наследником не был, предлагая принципиально новые модели государственной и этнической идентичности.

Ключевые слова: пограничье, польско-белорусские отношения, межэтнический конфликт, советизация, идентичность, первая половина XX в., Западная Белоруссия, Польша.

Белорусско-польское пограничье – территория, привлекающая пристальное внимание исследователей разных стран. Многогранные исторические, политические и этнические процессы, происходившие в данном регионе на протяжении XX в., рассматриваются с различных точек зрения. До 1991 г. наиболее распространённой была опора на советскую традицию, в которой идентичность определялась через проявления народной культуры, в первую очередь распространение национального языка в сфере образования и культуры. Такой подход актуален и сегодня [6]. Трактовка идентичности как совокупности исконных традиций, выраженных в исторически сложившемся народном быту [1; 2; 12], получила распространение после распада СССР.

Первая половина XX в. – сложное и спорное время для белорусско-польского пограничья. Интенсивность и значимость политических событий того периода до настоящего времени препятствуют научному сообществу выработать консенсус в оценке событий, происходивших в рассматриваемом регионе. Противоречивость этнокультурной ситуации, зафиксированная в опубликованных источниках [5; 9], нашла отражение в актуальных работах отечественных и зарубежных исследователей [2; 3; 4; 7; 15].

В данной статье Западная Белоруссия рассмотрена с позиций регионоведения. Будучи пограничной для государств и ареалов расселения народов, рассматриваемая территория в исследуемом временном промежутке имела основания для формирования польской, собственно белорусской и русской или советской государственной идентичности с соответствующей моделью межэтнических отношений.

В регионе западного пограничья Белоруссии смешение религий, народов, языков и культур долгое время было частью устоявшегося быта. Поляки, белорусы, а также русские, украинцы, евреи, татары и литовцы сосуществовали сравнительно мирно, «на протяжении почти всего XIX в. между поляками и белорусами не существовало чувства национальной чужеродности» [12, с. 328]. Понятие «белорус» ещё в первой половине XIX в. носило скорее топонимический, нежели этнический характер, точно так же, как принадлежность к полякам была скорее сословным маркером [10]. Большинство белорусов было крестьянами и ремесленниками – категорией людей, которые усваивают новые политические идеи довольно медленно. Следовательно, представления о Белоруссии, характерные для интеллигенции, не всегда разделялись основной массой населения.

Межэтнический и межнациональный конфликт, зародившийся в конце XIX в., принял острые формы в XX столетии. Обострение межэтнических отношений определялось в первую очередь политикой центра: сперва польского, затем советского, после германского и снова советского (за исключением Белостокщины, оказавшейся по итогам Второй мировой войны в составе Польши). В самобытном приграничье с его особой трансграничной идентичностью и Варшава, и Москва стремились создать пространство «переопределённости, двойной принадлежности» [5, с. 86]. И претендовавшая на лидерство в Восточной Европе Польская Республика, и стремившаяся к социальному переустройству Советская Россия считали эту задачу особенно значимой. Таким образом, с конца XIX в. на территории Белоруссии возник этносоциальный конфликт, который, по мнению А.Ф. Смолянчука, «был результатом ... демократизации общества, которая сопровождалась радикализацией настроений социальных низов» [12, с. 329]. Исследователь полагает, что конфликт усугубляли глубокая интеграция в русское культурное пространство и полонизация Белоруссии.

В рассматриваемое время регион представлял собой относительно замкнутую самодостаточную систему, поэтому при описании социальных и межэтнических процессов того времени исследователи вводят такие понятия, как «белорусизация» [10], «полонизация» и «русификация» [12]. Как в межвоенный период, так и после освобождения Западной Белоруссии каждый из центров считал своей задачей привести регион в соответствие с идеологией центра. «Белорусификация», «полонизация» или «русификация» в ряде случаев представляют собой результат попыток создания единой национальной модели, унифицированной традиции, которая на практике значительно различалась на востоке и на западе Белоруссии. Даже сегодня население западных областей Беларуси сохраняет некоторые этно-культурные особенности, отличающие его от жителей восточной части страны [4, с. 21].

При изучении особенностей формирования идентичности населения белорусско-польского пограничья в XX в. необходимо учитывать два ключевых явления: «осадничество» и «восточничество». «Осадники» – это лояльные властям поляки, в межвоенный период получавшие землю и ключевые административные должности в рассматриваемом регионе. Кроме того, польские власти практиковали назначение учителей из западных областей в восточные и наоборот. Многие ответственные лица в Польше воспринимали задачу размывания местной идентичности и укрепления новой, общепольской как особую миссию. Генерал Ярнушкевич, уроженец центральной Польши, переведённый из столичного I командования корпуса округа в командование корпуса IX округа¹ (Полесское воеводство с центром в Бресте), по этому поводу писал: «Мы должны подтвердить, что здесь, на востоке, мы находимся несколько сотен лет и

¹ Командование корпуса округа – орган управления военной административно-территориальной единицей во II Речи Посполитой, сравнимый с военным округом в российской традиции.

что, несмотря на длительный перерыв в государственной жизни, мы выполняем здесь непрерывную миссию, пролив на этой земле много крови. Мы должны себе уяснить, воевать ли дальше за эту землю или уйти с неё. Здесь нельзя быть пассивным. ... Польская культура должна главенствовать в северо-восточных землях. Только она в течение веков оставила здесь крепкие памятники, а Москва – это только налёт» [9, с. 158].

Копируя на восточных национальных окраинах довоенной Польской Республики систему отношений и ценностей из других польских земель, входивших до Первой мировой войны в состав «Привислинского края» Российской империи и западной части австро-венгерской Галиции, «осадники» преследовали белорусов за сам факт этнической принадлежности. Поскольку в приграничных областях было немало «тутэйших», т.е. лиц с неопределённой этничностью, а также людей, готовых в зависимости от обстоятельств называться белорусами или поляками [8]. Поэтому особую значимость приобретала религиозная принадлежность: поляк мог быть только католиком.

Все эти факторы привели к возникновению в белорусской среде антипольских настроений. На протяжении 1920–1930-х гг. на рассматриваемых территориях «был очень привлекателен образ БССР, “общebelорусского дома”. Это признавали даже антикоммунистически настроенные лидеры белорусских христианских демократов. В частности, А. Станкевич констатировал: “... жизнь белорусского народа там сдвинулась с места ... белорусских школ насчитываются тысячи» [3, с. 8]. Белорусские патриоты тайно слушали радиопрограммы из БССР, стремились быть в курсе событий в молодой советской республике. В межвоенные годы БССР стала одной из самых радиофицированных республик Советского Союза, причём интенсивность радиопрограмм была довольно значительной [6, с. 42]. Передачи транслировались на русском и белорусском языках. В условиях националистической политики II Речи Посполитой, выражавшейся в дискриминации белорусского населения на всех уровнях жизни, симпатии населения обращались в сторону Москвы.

В 1939 г. белорусское население с радостью встречало солдат Красной армии, ожидая окончания притеснений и надеясь на восстановление благополучной жизни – подобно той, что была в царской России. Воспоминания о той эпохе были свежи в народной памяти. В 1939–1941 гг. «руководство СССР в своих решениях, в первую очередь, учитывало стратегические и политические интересы советского государства, одновременно пытаясь решать задачи национального строительства по советскому образцу» [8, с. 24]. На практике это проявлялось в создании значительного количества учреждений национальной культуры и образования, во внедрении в общественную жизнь социалистической системы экономических отношений и управления. Самым спорным аспектом интеграции оставалась коллективизация этого преимущественно аграрного региона. Белорусы воспринимались в качестве однородной нации без учёта особенностей населения западных областей, что, как отмечалось выше, не отвечало ре-

альному положению дел. Следует также отметить, что после вхождения Западной Белоруссии в состав БССР советская власть сохранила старую, теперь уже внутреннюю, границу.

Таким образом, жители региона взаимодействовали главным образом с идеологически подкованными «восточниками». «Восточниками» в Западной Белоруссии назывались «советские и партийные служащие, направленные сюда на работу» [11, с. 51]. Представители советской системы занимали ключевые посты в органах управления – как ранее, до освобождения Западной Белоруссии, «осадники». Советское руководство подчёркивало, что пришло в Западную Белоруссию с освободительной миссией, потому о «русификации» региона не могло быть и речи, даже если часть белорусского населения и видела в ней приемлемый способ решения национального вопроса: защиту от польских притеснений, гарантированную общностью с многочисленным, имеющим сильные государственнические традиции русским народом. Но в соответствии с советской идеологией в основе государственного строительства были не национальность или религия, а классовый подход. Исходя из идеологических мотивов, испытывая недоверие к бывшим гражданам буржуазного государства, советская власть начала «укреплять кадры» выходцами из Восточной Белоруссии. Так, члены находившейся в подполье КПЗБ² должны были приниматься в партию «не огульно, а в индивидуальном порядке, после тщательной и неторопливой проверки» [13, с. 22]. Слово «неторопливой» вписано лично Сталиным на Постановлении ЦК ВКП(б). В условиях кадрового голода, охватившего регион после ликвидации старых учреждений, этот факт свидетельствовал о том, что советское руководство было вынуждено пренебречь спецификой Западной Белоруссии и пойти по пути замещения наиболее ответственных должностей в партийном и хозяйственном аппаратах кадрами из БССР. Фактически это было повторением ошибок польского руководства, насаждавшего «пришлые» кадры. В отличие от польских «осадников», приезжавших на постоянное жительство с пониманием своей колонизаторской миссии, советские кадры повиновались служебному долгу и партийной дисциплине, рассматривали Западную Белоруссию как место командировки, срок которой определялся на высшем уровне. В годы войны противоречивые последствия такой политики, сопровождавшейся депортацией антисоветски настроенных местных жителей, дали себя знать.

Если «осадники» принадлежали к доминирующему этносу страны, проводившей агрессивную националистическую политику, то «восточники» были носителями доминирующей идеологии. В отличие от поляков, советские служащие не должны были массово замещать штаты милиции, органов правосудия и безопасности [7, с. 68]. Следует особенно подчеркнуть отсутствие этнического ценза. Национальный состав «восточников» в Белостокской области (по сост.

² КПЗБ – Коммунистическая партия Западной Белоруссии, распущенная в 1938 г. как составная часть Коммунистической партии Польши (КПП).

на 10 октября 1940 г.) выглядел следующим образом: белорусы составляли 44%, русские – 34%, а евреи – 16% [15, с. 173]. В отличие от «осадников» и в соответствии с советской идеологией, «восточники» не владели собственностью на территории региона. При этом, «чтобы кадровая ситуация была более сбалансированной, важное значение придавалось выдвижению местных кадров в аппарат управления, судебные, силовые органы, промышленные и финансовые структуры» [11, с. 51], так «рабочая гвардия (или милиция) была сформирована практически исключительно из местных добровольцев» [11, с. 47].

Высокая доля белорусов среди «восточников» объяснялась командированием на запад кадров с востока Белоруссии, которая с 1920-х гг. входила в состав советского государства. Необходимо отметить, что после включения Западной Белоруссии в состав БССР старая граница не была упразднена. Вот как вспоминал об этом белорусский писатель В. Быков: «Мама была родом из деревни, находившейся по ту сторону границы, и долгие годы ничего не знала о своём брате. Не знала даже, жив ли он. В 39-м году, после воссоединения Западной Беларуси с БССР, появилась надежда получить от брата весточку. Но хотя новая граница была теперь аж за Белостоком, старую не ликвидировали. Охраняли по-прежнему бдительно, чтоб никто – ни туда, ни оттуда» [2, с. 37]. Более того, применялась практика переселения деревень, расположенных вблизи старой и новой границы [13, с. 150–151]. Несмотря на принадлежность к белорусскому этносу, для местного населения «восточники» остались чуждым элементом. В 1939–1941 гг. было запрещено, в частности, само упоминание привычного термина «восточные кресы» [14] – польского названия земель Западной Белоруссии и Украины и Литвы.

Советская власть приветствовала «нормативные» проявления этничности, такие как создание различных комитетов, театров и музеев, появление СМИ на национальных языках. Вместе с тем искоренялись «классово чуждые» проявления этничности, такие как традиционный крестьянский быт, на смену которому должен был со временем прийти колхозный уклад. Интересно, что в отличие от других регионов СССР в Западной Белоруссии относительно свободно существовала православная церковь. Местная советская администрация не разрушала и не экспроприировала культовые сооружения, лишь обложила церковь значительным налогом [7; 15]. Таким образом, в отличие от периода польского господства, основные конфессии региона в 1939–1941 гг. были в равных условиях. Относительно польских времён положение православной церкви при советской власти улучшилось. Жители обращались к властям с требованием вернуть им православные храмы, переделанные поляками под костёлы. Православная церковь, хоть и настроенная антисоветски, в отличие от католической не стала местом формирования антиправительственных групп. Вопреки отдельным антикоммунистическим, а иногда и пропольским выступлениям, деятельность православной церкви в Западной Белоруссии не подвергалась заметным репрессиям. Между тем высказывания пастырей бывали весьма радикальными.

Так, священник в деревне Козловичи Брестского района И.Я. Житинец заявил, что «скоро Советской власти не будет и тех, кто сейчас командует в деревне, придёт время, вешать будем» [1, с. 169].

Таким образом, межэтнический конфликт на территории Западной Белоруссии возник во второй половине XIX в., в связи с польским восстанием 1863–1864 гг. Он обострился в период II Речи Посполитой, когда варшавское правительство проводило политику насильственной полонизации белорусского населения. Позже, при советской власти, межэтнический конфликт был отчасти сглажен приспособлением белорусского и польского населения к новым жизненным реалиям. Тем не менее, белорусское население отчасти взяло реванш, получив от Москвы привилегии, которых оно было лишено при поляках. Подводя итог, констатируем, что отношения между польским и белорусским населением в период 1939–1941 гг. обострились, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере вылились в откровенное противостояние. Вызвано оно было тем, что для подавляющей части польского населения национальная государственность представляла, при всех недостатках её реализации во II Речи Посполитой, значимую ценность. Для польского сознания было непонятно нежелание представителей национальных меньшинств отстаивать прежнюю власть. Советская власть выполняла роль своеобразного буфера, принимая на себя ответственность за негативные проявления новой национальной политики и процессов слома старого государственного устройства.

Важно отметить, что политика советских властей не носила ярко выраженного антипольского характера и не была связана с разжиганием межнационального противостояния. В то же время, руководствуясь тезисом об освобождении белорусского народа, советское правительство не стремилось пресекать случаи проявления враждебности к польскому населению, прежде всего к «осадникам» и чиновникам. Консолидирующим фактором в отношениях между поляками и белорусами стали атмосфера недоверия по отношению к местному населению, как к бывшим гражданам «буржуазно-помещичьей Польши», и неприязнь «восточникам», возникшая из-за бытовых злоупотреблений последних. Объединявший всех командированных ярлык «советские» не противопоставлялся старому «польскому», что свидетельствует об отсутствии устойчивой региональной наднациональной общности. Иными словами, образ «восточника» был частью образа «советского», который мог распространяться и на выходца из Западной Белоруссии, занявшего место в советской административной системе. Недовольство советской системой управления не приводило к формированию позитивного мифа о старой администрации.

Список литературы

1. Белозорович В. Роль религиозных конфессий в общественно-политической жизни Западной Беларуси (1939–1941 гг.) // Культура Гродзенскага рэгіону: праблемы развіцця ва

- ўмовах поліэтночнага сумежжа: Зборнік навуковых прац / Установа адукацыі «Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы»; адказны рэд. І.П. Крэнь, А.М. Пяткевіч. Гродна: ГрДУ, 2001. С. 167–172.
2. Быков В. Долгая дорога домой. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 448 с.
 3. Вабищевич А.Н. Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнобелорусских землях накануне сентября 1939 года // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы*. Под ред. Петровской О.В., Борисенко Е.Ю. СПб., Алетейя, 2011. С. 7–24.
 4. Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал. І.П. Кэнь, У.І. Навіцкі, В.А. Белазаровіч // Гродна, 2006. 422 с.
 5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: НЛО, 2001. 576 с.
 6. Криштапович Л., Филиппов А. БССР и Западная Белоруссия 1919–1939 гг. (сравнительный анализ). М.: Книжный мир, 2017. 192 с.
 7. Милевский Я.Е. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы*. ред. Петровская О.В., Борисенко Е.Ю. СПб., Алетейя, 2011. С. 62–76.
 8. Петровская О.В. Формирование границ западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2012. № 1 (4). С. 24–41.
 9. Польша–Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А.Н. Вабищевич [и др.]. Минск: Беларус. Навука, 2012. 423 с.
 10. Радзiк Р. Палякi – беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX–XX стст. (да 1939 г.) // *Беларускі гістарычны агляд*. т. 4. 1997. Сш. 1–2. С. 35–61.
 11. Розенблат Е.С. Включение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР: контроверсии взглядов // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы*. ред. Петровская О.В., Борисенко Е.Ю. СПб.: Алетейя, 2011. С. 42–61.
 12. Смоленчук А.Ф. Беларускія палякi або палякi ў Беларусі? / А. Engelking, R. Huszczy // *Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiecie Smułkowej*. Warszawa, 2003. S. 326–334.
 13. Тихомирова В.Я. Советский человек на «Кресах» в 1939–1941 годах: свидетельства очевидцев и художественные образы // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы*. СПб.: Алетейя, 2011. С. 292–306.
 14. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. / склад. У. І. Адамушка [і інш.]. Мiнск: Беларус. Навука, 2009. 340 с.
 15. Milewski J.J. Okupacja sowiecka w Białostockiem. Proba charakterystyki // *Okupacja sowiecka ziem polskich 1939–1941: red. P. Chmielowiec. Rzeszow, 2005. S. 165–180.*

Об авторе:

Никита Алексеевич Маркелов – третий секретарь, посольство России в Польше. Польша, 00-761 Варшава, ул. Бельведерская 49. E-mail: nmarkelov@mid.ru.

“POLONIZATION AND “SOVIETIZATION” OF WESTERN BYELORUSSIA: A COMPARATIVE STUDY OF ASSIMILATION AND INTEGRATION POLICIES

“POLONIZATION AND “SOVIETIZATION” OF WESTERN BYELORUSSIA: A COMPARATIVE STUDY OF ASSIMILATION AND INTEGRATION POLICIES

N.A. Markelov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-

Embassy of Russia to Poland

The topicality of the article is determined by many contemporary ethnic conflicts in different parts and regions of the world, including the conflict in Ukraine. The article's study base is formed by modern Russian, Byelorussian and Polish, researches and historical sources. One of the main features of the emerging ethnic conflict in the Polish-Byelorussian borderland in the first half of the XX century, which had significantly influenced its development was the rivalry between two different cultural centers “west-oriented” Warsaw and Moscow as part of a greater “Russian World”. The article confronts two ideologically motivated policies towards Western Byelorussian lands: assimilation and integration. Both of them according to their background (nation-oriented assimilation and concentrated on the pattern of social and economical ties and relations – integration) somehow neglected very specific local identity. Specific character of the process was emphasized by lasting for many decades Byelorussian nation shaping, which ran under several different regimes: Russian Empire, II Polish Republic and Soviet state. As a result, such an ambiguity led to the development of a stronger local identity immune to the stronger oppression in the concerned period. The Tensions between Polish and Byelorussian regional communities escalated during the period 1939–1941, when integration processes in Western Byelorussia were taking place. In some aspects of interaction e.g. in the area of administration they even resulted in outright confrontation. The main reason for was caused by the fact that by the majority of the Polish population their national statehood was regarded, despite all the disadvantages of its realization during the II Polish Republic, as a significant value. Local Polish community could not understand the reluctance of ethnic minorities to defend the old regime, that would discriminate them. Soviet authorities acted as a buffer, taking responsibility for the negative manifestations of the new ethnic policies and transformation processes.

Key words: borderland, Byelorussian-Polish relations, ethnic conflict, Sovietization, identity, XX century, Western Byelorussia, Poland.

References

- 1 Belozorovich V. Rol' religioznykh konfessii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Zapadnoi Belarusi (1939–1941 gg) [The role of the religious denominations in the social and political life of Western Byelorussia 1939–1941]. *Kul'tura Grodzenskaga regionu: problemy razvitsia va umovakh polietnichnaga sumezhzhza* [The culture of Grodno region: problems of the development in the conditions of the political frontier]. Ustanova adukatsyi «Grodzenski dziarzh. un-t imia Ia. Kupaly»; ed. by I.P. Kren', A.M. Piatkevich. Grodno, GrDU Publ., 2001. Pp. 167–172. (In Russian)

- 2 Bykov V. *Dolgaia doroga domoi* [Long way home]. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., 2005. 448 p. (In Russian)
- 3 Vabishchevich A.N. Etnokul'turnoe polozhenie i etnopoliticheskikh otnosheniia na zapadnobeloruskikh zemliakh nakanune sentiabria 1939 goda [Ethnocultural conditions and Ethnopolitical relations in the region of Western Belarus on the eve of the September 1939]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg. Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 7–24. (In Russian)
- 4 *Zakhodni region Belarusi vachyma gistorykau i kraiaznautsau* [Western Byelorussia Region in sight of historians and regional ethnographers]. Collected articles. Ed. by I.P. Kzen', U.I. Navitski, V.A. Belazarovich. Grodno, 2006. 422 p. (In Byelorussian)
- 5 Kaganskii V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [The cultural land shaft and soviet living space]. Moscow, NLO Publ., 2001. 576 p. (In Russian)
- 6 Krishtapovich L., Filippov A. *BSSR i Zapadnaia Belorussia 1919–1939 gg. (sravnitel'nyi analiz)* [BSSR and Western Byelorussia 1919–1939. Comparative analysis]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2017. 192 pp. (In Russian)
- 7 Milevskii Ia. E. Vkluchenie «Zapadnoi Belorussii» v SSSR (1939– 1941): novaia tochka zreniia [Incorporation of Western Byelorussia into USSR 1939–1941: new point of view]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg. Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 62–76. (In Russian)
- 8 Petrovskaja O.V. Formirovanie granits zapadnoi Belorussii v 1939–1940 gg. [Shaping the borders of Western Belarus in 1939–1940]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovaniï*, 2012, no. 1 (4), pp. 24–41. (In Russian)
- 9 *Pol'sha–Belarus' (1921–1953): sb. dokumentov i materialov* [Poland–Byelorussia 1921–1953. Collection of documents and materials]. Ed. by A.N. Vabishchevich [and oth.]. Minsk, Belarus, Navuka Publ., 2012. 423 p. (In Russian)
- 10 Radzik R. Paliaki – belarusy: uzaemnyia stereotypy u XIX – XX stst. (da 1939 g.). [Poles–Byelorussians – mutual stereotypes in XIX–XX cent. (before 1939)]. *Belaruskii gistorychny agliad* [Byelorussian Historical Overview], 1997, vol. 4, part 1–2, pp. 35–61. (In Byelorussian)
- 11 Rozenblat E.S. Vkluchenie Zapadnoi Ukrainy i Zapadnoi Belorussii v sostav SSSR: kontroversii vzgliadov [Incorporation of Western Ukraine and Western Byelorussia into USSR: discrepancy of views]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg. Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 42–61. (In Russian)
- 12 Smolenchuk A.F., Engelking A., Huszczy R. Belaruskii paliaki abo paliaki ŷ Belarusi? [Byelorussian Poles or Poles in Byelorussia?]. *Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiecie Smulkowej* [Borderland of languages Borderland of cultures Dedicated to Elzbieta Smulkowska]. Warsaw, 2003. Pp. 326–334. (In Byelorussian)
- 13 Tikhomirova V.Ia. Sovetskii chelovek na «Kresakh» v 1939–1941 godakh: svidetel'stva ochevidtsev i khudozhestvennye obrazy [A soviet man in “Kresy” 1939–1941: attestation of eyewitnesses and fictional images]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg.: Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 292–306. (In Russian)
- 14 «Ty z Zakhodniai, ia z Uskhodniai nashai Belarusi...». *Verasen' 1939 g. – 1956.*

dokumenty i materiały [“You are from Western, I’m from Eastern our Byelorussia”. September 1939–1956]. In 2 books. Book. 1. September 1939–1941. Ed. by U. I. Adamushka [and others]. Minsk, Belarus, Navuka Publ., 2009. 340 p. (In Byelorussian)

15 Milewski J.J. *Okupacja sowiecka w Białos-*

tockiem. Próba charakterystyki [Soviet occupation of Białostok region. An attempt to characterize]. *Okupacja sowiecka ziem polskich 1939 – 1941* [The Soviet occupation of Polish territories 1939 - 1941]. Ed. by P. Chmielowiec. Rzeszów, 2005. Pp. 165–180. (In Polish)

About the author:

Nikita A. Markelov – Third Secretary, Embassy of Russia to Poland, Poland, 00-761 Warsaw, Belwederska str., 49. E-mail: nmarkelov@mid.ru.